

Объяснения причин, по которым Николай его покинул, и начался наш диалог.

На Украине я не особенно умудряюсь поддерживать там видимость своего присутствия, а в Москве — да, ты прав, давно меня по большому счету не видели.

— Сколько?

— Думаю, года два. Последний раз выступал на "Золотом шляжере". "Побарабанил" немножко.

— Что же тебе мешает навещать сюда чаще?

— Тут такая драка идет, что мне захотелось как-то выйти из ринга и посмотреть на нее со стороны. Плюс к тому — семейные обстоятельства. У меня сын вместе с моей бывшей женой сейчас живет в Мюнхене. Я нуждаюсь в нем и не хочу его терять, так же как и он меня. Поэтому по 3 — 4 месяца приходится проводить в Германии, а с этими выездами, естественно, связана куча проблем — визы, билеты, дорога, то да се. На Украине между вояками еще успеваю давать пару-тройку концертов, а в Москве... Этому нужно уделять уйму времени, готовить новые записи, ездить к нужным людям, быть в тусовке и прочее.

Но ты знаешь, я как-то не особенно переживаю свое отсутствие в "останкинских" телепрограммах. Одно время мне просто на нашем телевидении все претило и что-то не пускало сниматься. Несколько раз случалось, что я приезжал на эфир, оглядывался вокруг и уезжал, ибо окружающее меня не устраивало. Хотя "не устраивало", видимо, не то слово. Могут сказать: "Ишь какой, не устраивает его!" Я имею в виду, что причина такого отношения внутри меня. Мы живем в преддверии конца света, и такая ситуация требует от каждого человека иной ответственности, иного состояния души. И мне хотелось обрести такое состояние, найти некий живительный ключ, источник, откуда бы исходило самое-самое. Хорошая песня — это большое страдание, боль. Когда я не ощущал такого, мне казалось, что все пустое — все эти съемки, шоу... — А твоё пребывание за границей — это полное творческое бездействие?

— Абсолютно. Раньше, когда я был там, говорили — номер 1. Получал Гран-при, снимался в многочисленных популярных программах вместе с Иглесиасом, Готтом, то есть все выглядело достаточно круто. Меня даже узнавали на улицах, спрашивали, так же ли я популярен на Родине, и так далее. Но после объединения Германии картина резко изменилась. Сейчас даже мои коллеги, достаточно популярные некогда восточные немцы, не у дел. Это у нас перестраиваются-перестраиваются — и все те же лица, а там, если тебя волной отбросило, — уже все. Так что никаких концертов в Германии у меня нет.

— Но где-то ведь ты работаешь "сольником"?

— Безусловно работаю — по разным украинским городам. Слава Богу, приглашают — каждый день расписан надолго вперед. И смысла отказываться я не вижу, хотя деньги у нас платят, конечно, совсем не те, что в России. Но бросать из-за них все и лететь куда-нибудь в Оренбург, давать 30 концертов за 10 дней, как было раньше, не хочу. Я вообще не выбираю, где петь. Все происходит помимо меня, а я стараюсь лишь не нарушать хода событий.

— Согласись, ни на Украине, ни в других республиках бывшего СССР, исключая Россию, новые "звезды" давно не появляются. Те, кто чувствует в себе силы, перебираются поближе к Москве и Санкт-Петербургу. У профессионалов будет мнение, что "на местах" сейчас остаются лишь те, кто не способен конкурировать там, где существуют более жесткие законы шоу-бизнеса. Гнатюк не из таких?

— Ты опять-таки прав. На Украине мне ни с кем конкурировать особо не надо, да и вообще, в отличие от России, здесь нет чрезмерной напряженно-

Потягивая портвейн на какой-нибудь прокуренной московской кухне еще во времена полусонного движения советского народа в сторону коммунистического далека, неформальная тусовка любила саркастически ухмыляться, когда на голубом экране возникал полный детско-ликования Николай ГНАТЮК и, обдавая всю страну гипероптимизмом, исполнял песенку, от которой можно было либо запрыгнуть вприпрыжку, либо пойти повеситься: "Птица счастья завтрашнего дня прилетела, крыльями звеня... (тра-ля-ля-ля... — М. М.) ... завтра будет лучше, чем вчера!..." Смеялись, к слову говоря, не все, большинству сей хит очень даже нравился, как и другой — "Барабан". А потом был еще "Малиновый звон", помните? Так что Гнатюк безусловно входил в обойму наиболее популярных советских певцов. Однако удержаться ему в таком качестве не удалось. Он, как показалось, вообще куда-то пропал. Многие полагали, что Гнатюк давно свалил за кордон. На самом же деле он по-прежнему здесь:

БЕЗ МАШИНЫ, ЖЕНЫ И МОСКОВСКОГО РИНГА

■ Помните: "Птица счастья завтрашнего дня..."?

сти: записывайся, пой, позвони тебе — поезжай выступай. Хорошего, конечно, мало. Замыкаешься в этом кругу без борьбы. Но что касается меня лично, я не боюсь никакой конкуренции и на российском уровне. Просто, когда тебе вырубает микрофон, — это не конкуренция. Когда все кругом обложено и тебе говорят — будешь петь одну песню, а не две, чтобы, не дай Бог, не оказался лучше, чем тот, кто в этой программе поставлен в более привилегированное положение и уже заплатил как надо, это тоже не конкуренция.

Я вообще отношусь к тем певцам, которых до сих пор понастоящему так и не показали. Только побывавшие на моих концертах могут понять, каков Гнатюк на самом деле. Некоторые мне, кстати, советовали: "Не снимайся на телевидении, ты же абсолютно другой человек". И это действительно так. Теперь я заявляю об этом с уверенностью, хотя кто-то посчитает сие нескромным. Но в свои 42 я имею право на подобное признание. Мне и в 28, и в 20 казалось, что мои концерты — одно, а их съемки — совсем другое. Но тогда я был молод и никто на мое мнение не обращал внимания. Сейчас я понимаю, что многие вещи делались умышленно, но говорю об этом

без обиды. Я все ныне воспринимаю с благодарностью.

— В чем же была причина умысла?

— А в чем, по-твоему, причина того, что некоторые поющие дамы (не буду называть фамилии) ставили некоторым мастерам условие, чтобы Гнатюк в таком-то концерте не было?

— В какие годы такое происходило?

Здесь я уж немного посекретничаю. Скажу одно: они были недовольны. Парень срывает аплодисменты, затмевает их. Такого допускать нельзя, его нужно убрать. И меня убрали.

Я понимал, что сдвинуть подобную махину мне не под силу, но хотелось все-таки сохранить за собой место, которое занял. И я вел пассивный бой. Люди толкаются, прорываются, локти ободраны, а я так тихонечко стою и наблюдаю: "Да что вы? Да ради Бога, проходите, пожалуйста". Это не значит, что я не мог ударить. Мог, и, возможно, так, что кто-нибудь даже "улетел с ринга". Но я не хотел. Не из великодушия.

— Действительно, тут я как бы попался. Получилось довольно смешно и гротесково. Ну ничего, я же говорю, что в те годы многому наивно верил. Да и ладно, о чем переживать? Бывает ведь, что на каком-нибудь дворе петух поет, веселится, а потом — бац! и дом, и двор сгорели. Так что ж, петух виноват? Не нужно ему петь? Каждому — свое. Моя задача, вероятно, как раз в том и состоит, чтобы вещать что-то такое оптимистическое. Короче, пел так и пел — что плохого? Да и не вечер еще. Может, завтра (лет через пятьдесят) вдруг и вправду станет "лучше, чем вчера". Тогда-то я выйду и скажу: "Так во-от о каком времени я пел! Вот что имел в виду! Понятно?" (Смеется.)

— У тебя есть сегодня столь же раскрученный хит?

— На Украине есть — песня "Час рекою плыве". Мешки писем приходят в различные программы, ее чуть ли не ежедневно крутят по телевидению и радио, в клубах поют, на свадьбах.

Просто наблюдение мне более свойственно. Может, в результате такой позиции я в карьере что-то и упустил, зато воспитал в себе доброе отношение к коллегам и оно сохранилось до сих пор.

— Какие-то контакты с московской тусовкой ты еще поддерживаешь?

— В принципе да. Зовут меня иногда. Вот последний раз приглашали выступить на концерте к 8 Марта, где присутствовал сам Ельцин. Но я по разным причинам не поехал.

— Каким же?

— Ответил, что у меня клавишник заболел. (Улыбается.)

— А каков был бы искренний ответ?

— Что я душевно не готов. Я не согласен с тем, что происходит вокруг. Мне жаль народ, который сейчас так обижен, и я не хочу исполнять роль одной из скрипок для правительственных команд. Точно так же несколько раз я покидал концерты, где присутствовал Кравчук. Несколько раз такое происходило как бы вообще, не по моей воле, то есть я не говорил себе специально: "Вот сейчас он придет, и я уйду". Но что-то вело меня прочь. Я не хочу участвовать в происходящем ныне грязном деле. Пусть, пусть мне не платят. Но я не стану предавать народ. Хотя и громко сказано — это правда.

— Однако раньше, если мне не изменяет память, ты выступал в официальных концертах, пред очами вождей довольно часто.

— Да, выступал, и с большой радостью. Я верил в страну, в которой живу, испытывал чисто юношеские эмоциональные порывы оттого, что делал хорошее, правое дело. Я совершенно не разбирался, что там было в партии хорошо, а что нет. Сам я в ней никогда не состоял, и слава Богу, наверно. Хотя честно скажу, к ее руководству особо отрицательно не относился, возможно, опять-таки в силу непонимания. Я верил...

В противном случае вообще можно было бы подписать какой-нибудь зарубежный контракт и уехать, но без своей земли мне трудно долго обходиться. А тогда, я повторяю, еще и верил, считал, что должен участвовать в том, что происходит.

— Во что верил-то?

— Во то, что страна будет созидать и процветать, что народ наш с каждым днем будет жить все лучше и лучше. И предположить не мог, что вскоре полстраны станет нищей.

— И тогда ты пел свою "Птицу счастья". Сейчас тебя не смущает, что этот веселый шлягер превратился в гротесковую звуковиллюстрацию к выходящим в первые перестроечные годы фильмам, где подчеркивался контраст между реальными, серостью совковой жизни, и тем, что преподнесли советским гражданам по ТВ и радио?

— Гнатюк сегодня в состоянии собрать самый большой зал в Киеве?

— Трудно ответить, поскольку до 1997 года я в Киеве выступать не буду.

— Это почему?

— Не почему. Просто внутренний голос подсказал мне, как только началась вся эта смута, что до 1997 года выступать в Киеве не надо.

— Ты что-то уходишь — то с концертов, на которых президенты присутствовали, то народ предавать не хочешь, то про смуту говоришь. Видимо, Гнатюк достаточно политизированный человек, принимающий чью-то сторону?

— А какая есть сторона? У нас никакой стороны-то нет. Нет того, за что я мог бы быть. Другое дело, если ты меня спросишь, каким я вижу общество и мир сегодня.

— Ну, считай спросил.

— Так вот, я вижу его в катастрофическом состоянии. Мир поработан страной, которая называется Америкой. И за что бы ты ни был — все равно будешь за нее. Поэтому я ни за кого — только за любовь к людям.

— На родине ты достаточно популярен, и твоё мнение, наверное, считают авторитетным.

— Как тебе ответить? Сказать — "да" вроде нескромно. "Нет" — тоже далеко от истины. Я скажу так: все время, когда я пребываю в Киеве, у меня берут интервью или приглашают куда-то выступать. Я даже веду целые часовые программы по телевидению. Другое дело, что нередко я отказываюсь от предложений, говоря, что это не нужно, что это уже было, или что-то подобное.

Ты вот говорил, что я исчез из Москвы. Исчез, потому что не люблю мелькать. То, что там сейчас происходит, это ведь почти неприлично. За все нужно кому-то платить, перед кем-то унижаться. Нет, я не против унижения. Унижение — это нормально, это смирение. Нормальный человек от такого не упадет. Напротив, он смирит себя и тем только возвысится. Но зависит от кого-то, бегать за "нужными" людьми — ужасно. И коль так мир устроен, не стоит идти подобным путем, лишь бы достичь своего. Лучше честно и достойно оставаться несколько в тени.

— Сколь роскошно ты живешь сегодня в Киеве?

— Это из той же серии. Бездарно и глупо, когда народ бедствует, козыряя суперавтомобилями и нарядами, но сие, к сожалению, свойственно нынче нашей эстрадной тусовке.

— И тем не менее, что такое был Гнатюк?

— Да это ни в какие рамки не вписывается. Если я расскажу, мне не поверят. Во-первых, у меня нет и никогда не будет никаких машин. Еще в детстве я захотел стать артистом и ре-

шил, что ради исполнения такой мечты должен принести что-то в жертву. Я пообещал себе: если стану заслуженным артистом, никогда не стану покупать машину. Заслуженным и даже народным артистом я стал и данное себе обещание, слава Богу, пока держу.

У меня имелись большие возможности получить любую квартиру в Киеве, но я ограничился достаточно скромной трехкомнатной, куда перевез и маленького братика, и маму, и жену. Потом они как-то между собой рассорились и все у меня забрали и разделили.

Вскоре я опять чего-то насождал, и опять вокруг меня все как-то засуетилось — ситуация повторилась. Но, знаешь, я смотрю на это с воодушевлением и радостью. Потому что непосредственно моя жизнь проста, я не закушался. Сейчас у меня идет как бы третий этап творчества и быт мой по-прежнему скромный. Я питаюсь без всяких изысков, почти не ем мяса. В комнате у меня лишь самое необходимое, даже инст-

румент недавно отдал в Лавру. Себе только клавиши поставил, чтобы работать. Есть какое-то кресло, какой-то магнитофон, вот, собственно, и все. Один телевизор отвоз маме, другой — отцу, дома оставил некий монитор, который гости принимают за компьютер, но на самом деле это черно-белый телевизор, сделанный в Виннице.

На улице стараюсь, чтобы никто меня особо не замечал, хотя часто езжу в троллейбусе. Мама сказала: "Собираешься в церковь, не вздумай брать такси. Ты должен идти вместе со всеми, тебя должны толкать". И она права. Только когда уж в свет выбираюсь как Гнатюк, надеваю какой-нибудь костюм, сажусь в такси.

— Что значит твоё выражение "начался третий этап"? Каким образом ты производишь деление?

— Появился другой человек с совершенно иными внутренними задачами. Я отлично знаю отныне, что и как должен делать. Тот Николай Гнатюк пил. Сейчас я ни грамма не пью. Тот Гнатюк блудил. Теперь я стараюсь жестко за этим следить. Тот Гнатюк немощно скандалил, в нем было мало смирения. У теперешнего Гнатюка задача — полное смирение, то есть абсолютное. Даже на любое оскорбление отвечать только благодарностью. Только такой позицией воспитывается дух.

А еще раньше существовал такой паренек Коля Гнатюк, мечтавший стать "звездой". И вот с этим он вроде справился, но это еще совсем не то.

И сейчас начался третий, наверное последний, этап творчества. Надеюсь, по продолжительности он будет таким же и я успею спеть о самом главном.

Повторю, мы находимся уже в категории конца света. И петь о юбочках, фуражках и прочем — мелко. Молодежи еще простительно, но когда так работают взрослые артисты!.. Когда они выходят и поют только о личных своих проблемах, совершенно не думая о массе народа, который в грехе просвета не видит, и, в сущности, не знает, куда идти и что делать, — это, скажу еще раз, мелко.

Мне, конечно, могут помешать. Некоторые люди сейчас при "бабках", но без сердечности. И все-таки я попробую поднять планку на такую высоту, на какую сумеют дотянуться мои руки.

Я, кстати, собираюсь теперь выступать не как Николай, а как Миколай Гнатюк. Знаю, что многие воспримут сие со смехом. Поэтому мне очень важно найти такой репертуар и так его преподнести, чтобы этот смехок исчез. Чтобы после сказали: "А ведь он был прав".